М. ЛИНДЪ.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
XIII-04804

ИЗДАНІЕ
Д. П. ЕФИМОВА.
МОСКВА.
1913.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Д. ДРУТМАНЪ.

2004127162

Типографія А. П. Поплавскаго. Москва, Лялинъ пер., соб. д.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Въ 1606 году царемъ московскаго государства былъ Дмитрій Ивановичъ, о происхожденіи котораго говорилось разное: одни считали его сыномъ царя Ивана Грознаго, другіе думали, что онъ самозванецъ, бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ или какой-то неизвѣстный человѣкъ, принявшій на себя имя Дмитрія; настоящій же Дмитрій, сынъ Ивана Грознаго, былъ убитъ еще въ дѣтствѣ, при царѣ Ѳеодорѣ, царствовавшемъ послѣ своего отца Ивана Грознаго. Когда царь Ѳеодоръ умеръ бездѣтнымъ, то на царство былъ избранъ шуринъ его, бояринъ Борисъ Годуновъ, которому народная молва приписывала убійство царевича Дмитрія. Бояре надѣялись, что при выборномъ царѣ они получатъ большее значеніе и власть, но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: Борисъ хотѣлъ царствовать такъ же самостоятельно, какъ и прежніе цари.

Недовольные имъ бояре выставили противъ него самозванца, который, съ помощью поляковъ и перешедшихъ на его сторону русскихъ, сталъ оспаривать у Бориса престолъ. Во время войны съ нимъ Борисъ умеръ, сынъ его Ѳеодоръ былъ свергнутъ и убитъ, и Дмитрій былъ признанъ царемъ Московскимъ. Но бояре были недо-

вольны и новымъ царемъ: онъ правилъ слишкомъ самостоятельно, не сообразуясь съ совѣтами бояръ, часто даже смѣясь надъ ними въ Боярской Думѣ, и —что было для нихъ всего досаднѣе, — приблизилъ къ себѣ людей незнатнаго происхожденія и иностранцевъ, преимущественно поляковъ, которые способствовали возведенію его на царскій престолъ. Партія бояръ, во главѣ которой стоялъ бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, составила заговоръ и произвела возмущеніе; 17 мая 1606 года самозванецъ былъ низложенъ и убитъ. На совѣщаніи заговорщики условились между собою, что тотъ изъ нихъ, который будетъ царемъ, долженъ править не иначе, какъ по общему совѣту съ боярами. Черезъ день послѣ убійства Дмитрія и его приверженцевъ Шуйскій собралъ на площади народъ и сталъ держать такую рѣчь:

— Мы совершили единодушно подвигъ праведный, честный, полезный и спасительный для земли, если-бъ только Богу было угодно, чтобъ меньше крови пролилось! Богъ, который земныя царства раздаетъ, кому хощетъ, благословилъ наше умышленіе. Теперь, когда вора больше нѣтъ на свѣтѣ и русскіе люди избавились отъ обольщенія чернокнижника и бѣсоугодника, который всѣмъ намъ отвелъ глаза,—теперь нужно выбирать царя.

Далѣе онъ объяснилъ, что родъ царей московскихъ пресѣкся, и что нужно найти человѣка знатной породы, «прилежнаго въ святой восточной вѣрѣ, во всемъ благочестиваго—чтобы онъ

держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіялъ добродѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или собственнымъ царскимъ. «Вы, можетъ быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ, но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ, по крайности, казался такимъ для своихъ подвластныхъ».

На это изъ толпы приверженцевъ Шуйскаго стали раздаваться возгласы, что есть только одинъ человѣкъ, отвѣчающій всѣмъ этимъ требованіямъ, а именно—князь Василій Шуйскій. И, дѣйствительно, перечисляя въ своей рѣчи достоинства, необходимыя для будущаго царя Московскаго, Шуйскій перечислялъ свои качества. Шуйскій былъ человѣкъ не молодой,—ему въ то время было слишкомъ 50 лѣтъ, слылъ за человѣка благочестиваго и происходилъ отъ Александра Невскаго,—словомъ, отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ къ новому царю. Шуйскій, какъ водится, отказывался нѣсколько разъ отъ этой чести, а потомъ согласился. Зазвонили въ колокола, чтобы народъ собрался на площади, народа сбѣжалось много, но площадь у Лобнаго мѣста преимущественно заняли сторонники Шуйскаго. Стали говорить о томъ, что надо избрать новаго патріарха, такъ какъ патріархъ Игнатій служилъ и потакалъ растригѣ. Но раз-

говоры о выборѣ патріарха были лишь удобнымъ приступомъ къ выбору царя. Изъ толпы народа раздались голоса, что, прежде, чѣмъ избирать патріарха, надо выбрать царя и предложили разослать грамоты по всѣмъ городамъ, чтобы съѣзжался народъ для избранія новаго царя. «Къ чему ждать выборныхъ людей?» — закричали другіе, — «благородный князь Василій Ивановичъ Шуйскій избавилъ насъ, при Божьей помощи, отъ прелести вражьей и отъ власти богопроклятаго еретика, растриги. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ — отрасль благороднаго корени русскаго, родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручится ему царство Россійскаго скипетродержавія!» Тогда стали кричать изъ толпы, что они желаютъ имѣть своимъ царемъ Шуйскаго.

Такимъ образомъ Шуйскій былъ возведенъ на престолъ безъ участія Земскаго Собора, кучкой бояръ и преданной ему толпой москвичей, которыхъ онъ поднялъ противъ самозванца и поляковъ. Съ Лобнаго мѣста толпа вмѣстѣ съ новоизбраннымъ царемъ направилась въ церковь, и тамъ князь Шуйскій обратился съ рѣчью, въ которой обязывался не помнить обидъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время, и не мстить за нихъ, не судить никого и не наказывать безъ боярскаго приговора. Это было заранѣе условлено боярами, которые стремились ограничить самодержавную власть государя. Изъ толпы раздались голоса, что никогда еще такихъ порядковъ не видано въ Россіи, чтобы ограничива-

лась власть государя. Быть можетъ, такія рѣчи и были пріятны Шуйскому, но онъ былъ всецѣло боярскимъ твореніемъ, и отступись отъ него боярская партія — онъ былъ бы безпомощенъ. Тотчасъ, послѣ присяги бояръ, была разослана по всѣмъ областямъ грамота, извѣщавшая о воцареніи Шуйскаго. Въ этой грамотѣ излагались условія ограниченія его власти. Условія эти заключались въ томъ, что царь обѣщалъ никого не казнить и не наказывать, не посовѣтовавшись съ боярами, не распространять опалы, наложенной на преступника, и на его родственниковъ и близкихъ и не отнимать въ казну ихъ имущества, доносовъ не слушать, ложныхъ доносчиковъ наказывать, всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Всѣ эти ограниченія направлены были лишь къ огражденію личности подданныхъ и не касались основъ государственнаго порядка. Власть ограничивалась Совѣтомъ бояръ, но въ сущности это не измѣняло прежняго положенія, такъ какъ царь и прежде правилъ при содѣйствіи этого Совѣта. Боярамъ ничего и не было нужно, кромѣ обезпеченія своей личности отъ преслѣдованія и произвола власти, отъ которой имъ приходилось много разъ терпѣть въ царствованіе Грознаго и Бориса. Одновременно съ этой грамотой была разослана другая, отъ имени бояръ, приблизительно такого же содержанія и въ которой они увѣряли народъ, что они всѣ, дѣйствительно, били челомъ Василію Ивановичу, прося его стать во главѣ Московскаго государства. На другой день, кромѣ этихъ двухъ гра-

мотъ, была разослана третья, отъ имени Марѳы, вдовы Іоанна IV, матери царевича Дмитрія. Она извѣщала, что убитый Дмитрій—не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ Гришка-растрига. А что ея сынъ, Дмитрій Ивановичъ, убитъ въ Угличѣ передъ нею и ея братьями, и что это извѣстно боярамъ и дворянамъ. Далѣе въ грамотѣ разсказывалось отъ имени Марѳы, что она видѣлась съ самозванцемъ наединѣ и что онъ угрозами заставилъ ее признать его своимъ сыномъ предъ боярами и народомъ. Въ заключеніе вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-растриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престолъ выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими бьетъ ему челомъ о принятіи царства.

Эта грамота должна была произвести на читателей ея довольно странное дѣйствіе, ввиду того, что въ ней безъ стѣсненія говорились, несомнѣнно, лживыя вещи: во-первыхъ, весь народъ зналъ, что Марѳа видѣлась и говорила съ самозванцемъ не наединѣ, а что чуть ли не вся Москва выходила смотрѣть на трогательную сцену свиданія матери съ сыномъ; во-вторыхъ, самозванецъ никакъ не могъ угрожать царицѣ, а, скорѣе, наоборотъ, она—ему, такъ какъ одного слова ея было бы довольно, чтобы уничтожить все обольщеніе и погубить его. И, наконецъ, самъ Шуйскій трижды мѣнялъ свои показанія, такъ какъ при Борисѣ говорилъ, что царевичъ Дмитрій самъ наложилъ на себя руки, потомъ,

при вступленіи на престолъ самозванца, призналъ его настоящимъ царевичемъ, говоря, что убитъ былъ не царевичъ, а поповъ сынъ, и, наконецъ, теперь отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній, говоря, что царевичъ былъ, дѣйствительно, убитъ по приказанію Бориса. Послѣ разсылки этихъ трехъ грамотъ были отправлены послы въ Угличъ для перенесенія мощей царевича Дмитрія въ Москву.

1 іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство. Шуйскій былъ старикъ, маленькаго роста, очень некрасивый, съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы, и сильно вѣрилъ чародѣйству. Царь спѣшилъ совершить обрядъ вѣнчанія, такъ какъ это укрѣпляло его въ царскомъ достоинствѣ.

Подлѣ царя немедленно явилось другое лицо— патріархъ казанскій Гермогенъ. Гермогенъ былъ извѣстенъ своимъ сопротивленіемъ самозванцу и его неправославнымъ поступкамъ; онъ сильно противился женитьбѣ его на Маринѣ Мнишекъ и требовалъ, чтобы послѣдняя прежде приняла православную вѣру. Гермогенъ отличался суровымъ и твердымъ характеромъ, былъ человѣкомъ, готовымъ твердо стоять за ввѣренное ему дѣло, но, по показаніямъ современниковъ, строгость его была доведена до крайности, часто переходя въ жестокость. Кромѣ того, онъ имѣлъ общій недостатокъ съ Шуйскимъ, а именно— имѣлъ обыкновеніе слушать доносы и навѣты,

и, плохо отличая истину отъ клеветы, вѣрилъ всему. Слабостью этой воспользовались нѣкоторые бояре и, наговоривъ патріарху на царя, успѣли ихъ поссорить. Несомнѣнно, что для Шуйскаго была не безопасна вражда такого человѣка, какъ Гермогенъ, тѣмъ болѣе, что положеніе царя было не особенно твердо. Клятва, данная Шуйскимъ при вступленіи на престолъ, какъ-никакъ, ограничивала его власть, такъ что многіе говорили, что у бояръ болѣе власти, чѣмъ у царя. Нѣкоторые изъ бояръ, оставшіеся вѣрными Лжедмитрію и не участвовавшіе въ его сверженіи, были, несмотря на обѣщаніе, сосланы въ отдаленныя мѣста. Такъ были сосланы: князь Рубецъ-Мосальскій, бояре: Салтыковъ, Власьевъ, Богданъ Бѣльскій и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ были поставлены воеводами въ отдаленныя области и, такимъ образомъ, недовольство царемъ распространялось по городамъ благодаря этимъ людямъ, озлобленнымъ и готовымъ при малѣйшемъ поводѣ примкнуть къ возстанію противъ ненавистной имъ власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ могущественныхъ бояръ, имѣвшихъ виды на престолъ, или изъ людей, просто недовольныхъ Шуйскимъ, не могъ прямо отважиться на сверженіе Шуйскаго. Никто изъ нихъ не могъ представить такихъ правъ на престолъ, которыхъ бы не было у Шуйскаго, и потому для нихъ необходимо было какое-нибудь такое лицо, чтобы именемъ его можно было свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно сильное, чтобы препятство-

вать цѣлямъ бояръ. Такимъ лицомъ могъ быть новый самозванецъ, и слухи о Дмитріи не замедлили появиться въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что, когда Шуйскій и его приверженцы были заняты истребленіемъ поляковъ и сторонниковъ Лжедмитрія, изъ Москвы успѣлъ скрыться нѣкій Михайла Молчановъ, одинъ изъ участниковъ убійства Ѳеодора Годунова. Молчановъ, въ сопровожденіи двухъ поляковъ, направился въ Польшу и на пути выдавалъ себя за царя Дмитрія, будто бы успѣвшаго скрыться изъ Москвы.

Слухъ этотъ скоро достигъ до Москвы, и здѣсь многіе повѣрили ему, такъ какъ не всѣ москвичи принимали участіе въ убійствѣ Дмитрія, а лишь небольшая часть бывшихъ приверженцевъ Шуйскаго. Нашлись люди, которые говорили, что трупъ, лежавшій на Красной площади, вовсе не былъ тѣломъ Дмитрія: и, дѣйствительно, онъ былъ настолько обезображенъ, что не было возможности различить лица.

Итакъ, слухи росли все больше и больше, въ особенности же въ другихъ городахъ, которые имѣли еще болѣе основанія вѣрить спасенію Дмитрія, чѣмъ москвичи,—изъ послѣднихъ все же многіе присутствовали при его гибели. Шуйскій видѣлъ, что слухи эти настолько окрѣпли и разрослись, что ему уже невозможно разувѣрить народъ. Ему оставалось лишь одно, а именно—вооружиться противъ правъ перваго Дмитрія.

Какъ нельзя болѣе кстати было для этого перенесеніе мощей царевича Дмитрія изъ Углича. Царь, въ сопровожденіи почти всего духовен-

ства, бояръ и думскихъ людей, вышелъ имъ навстрѣчу за каменный городъ. Рядомъ съ нимъ шла инокиня Марѳа, своимъ присутствіемъ какъ бы подтверждавшая дѣйствительность мощей и вмѣстѣ съ тѣмъ ложность перваго самозванца. Тѣло было отнесено въ Архангельскій соборъ, гдѣ и должно было остаться на будущія времена. Послѣ этого по городамъ были разосланы грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи, съ перечисленіемъ злодѣйствъ Лжедмитрія и съ показаніями нѣкоторыхъ лицъ, доказывающихъ его самозванство. Но грамоты эти не имѣли желаемаго успѣха, да оно и понятно, такъ какъ въ то время, какъ въ Москвѣ, Угличѣ и другихъ городахъ прославлялась святость невинно-убитаго младенца Дмитрія, на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, который при царѣ Ѳеодорѣ объявилъ, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Среди высланныхъ бояръ былъ высланъ въ Путивль воеводою князь Григорій Петровичъ Шаховской; но ссылка эта была на руку Шаховскому, который, по прибытіи своемъ въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Дмитрій живъ и скрылся отъ враговъ. Путивльцы немедленно возстали противъ Шуйскаго, къ нимъ быстро стали примыкать другіе ближайшіе города. Въ Черниговѣ воеводою былъ князь Телятевскій, который, при вступленіи на престолъ Дмитрія, былъ однимъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ его, но, разъ присягнувъ ему, сдѣлался его приверженцемъ, и теперь съ полной готовностью возсталъ противъ Шуйскаго.

Слухи настолько окрѣпли, что волненія начались и въ Москвѣ. Здѣсь открыто не произносили еще имени Дмитрія, но всѣми способами старались возбудить толпу по другому поводу: на домахъ иностранцевъ написали, что эти дома отдаются за измѣну ихъ владѣльцевъ на разграбленіе народу царемъ. Собралась большая толпа, которую на этотъ разъ удалось разогнать. Въ другой разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, распустили слухъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Собралась громадная толпа москвичей и встрѣтила царя въ то время, какъ онъ шелъ изъ дворца къ обѣднѣ. Царь услышалъ за кремлевскими стѣнами знакомый ему гулъ волнующейся толпы; онъ понялъ, что толпа волнуется не сама по себѣ, а подстрекаемая кѣмъ-нибудь изъ бояръ. Обернувшись къ окружавшимъ его думнымъ людямъ, онъ спросилъ: «Что это, кто изъ васъ волнуетъ народъ?» Бояре отвѣтили, что они не знаютъ, кто созываетъ народъ именемъ царскимъ. Шуйскій остановился и, почти плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его боярямъ, что лишнее выдумывать козни, такъ какъ, если онъ имъ не нравится, то онъ добровольно готовъ уйти, что бояре его избрали царемъ, они же вольны и смѣстить его. Потомъ, отдавъ царскій посохъ и снявъ шапку, сказалъ: «Возьмите и выбирайте кого хотите»,— но тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, взялъ ихъ обратно. Видя, что всѣ молчатъ, Шуйскій подумалъ, что большинство за него, и что онъ уже достаточно постращалъ ихъ, и сказалъ: «Если

такъ, если вы, дѣйствительно, считаете меня своимъ царемъ, то я требую казни виновныхъ». Бояре на этотъ разъ рѣшили увѣрить его въ своей преданности. Изъ толпы были схвачены 5 человѣкъ, признанныхъ виновными; ихъ высѣкли кнутомъ и сослали; народъ же уговорили разойтись.

Такимъ образомъ, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, народъ успокоился. Но не то было въ Сѣверской землѣ, теперешней Черниговской и отчасти Орловской губерніяхъ. Возстаніе приняло тамъ угрожающіе размѣры. Къ Путивлю присоединились Моравскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколъ, Елецъ; въ особенности же имѣлъ значеніе Елецъ, такъ какъ въ послѣдніе дни царствованія Дмитрія здѣсь былъ назначенъ сборъ войскъ, которыя должны были итти на татаръ. Шаховскому было нужно такое лицо, которое согласилось бы назвать себя царемъ; самозванецъ былъ необходимъ ему во что бы то ни стало; между тѣмъ, Молчановъ самъ не хотѣлъ разыгрывать роль самозванца и въ данное время никакъ не могъ найти подходящее лицо. Но дальше ждать было нельзя—надо было поддержать возстаніе, давъ ему смѣлаго и способнаго вождя.

Такимъ вождемъ явился Болотниковъ. Болотниковъ раньше, судя по разсказамъ, былъ холопомъ князя Телятевскаго; въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ татарами, затѣмъ проданъ ими въ Турцію, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, послѣ

чего ему удалось бѣжать. Въ это время онъ какъ разъ пробирался въ Россію черезъ Польшу, гдѣ и узналъ о событіяхъ, волновавшихъ въ это время его родину. Услышавъ о томъ, что здѣсь живетъ Дмитрій, онъ отправился къ нему и сошелся съ Молчановымъ. Молчановъ выдалъ себя передъ нимъ за Дмитрія. Болотниковъ никогда не видѣлъ Дмитрія, и потому возможно, что онъ искренно повѣрилъ въ то, что передъ нимъ былъ, дѣйствительно, царь. Видя въ немъ рѣшительнаго и смѣлаго человѣка, Молчановъ понялъ, что онъ можетъ имъ оказать громадную пользу, и потому направилъ его къ Шаховскому, который принялъ его, какъ царскаго повѣреннаго, и далъ начальство надъ отрядомъ войска. Болотниковъ сразу нашелъ средство увеличить этотъ отрядъ, обратившись въ Украйну, гдѣ обѣщалъ волю, богатство и почести подъ знаменами Дмитрія. Къ нему тотчасъ стали стекаться цѣлыя толпы всевозможнаго народа: бѣглые холопы, крестьяне, казаки и, наконецъ, даже воры и разбойники. Шуйскій понялъ, что дѣло разыгрывается не на шутку, но прежде, чѣмъ посылать войска, онъ рѣшилъ попытаться утишить возстаніе мирными мѣрами. Онъ послалъ въ Сѣверскую землю духовенство съ тѣмъ, чтобы оно увѣщевало бунтовщиковъ. Въ Елецъ былъ посланъ Михаилъ Нагой съ грамотой сестры своей, царицы Марѳы, и съ образомъ царевича Дмитрія. Но мѣры эти не помогли,—приходилось дѣйствовать вооруженной силой. Бояринъ князь Воротынскій осадилъ Елецъ, а столь-

никъ князь Юрій Трубецкой—Кромы. Но на выручку Кромамъ явился Болотниковъ съ 1.500 человѣкъ, во главѣ которыхъ напалъ на пятитысячное царское войско и на голову разбилъ его. Царское войско и такъ неохотно шло за Шуйскаго, послѣ же пораженія оно было совсѣмъ ослаблено, служилые люди начали разъѣзжаться, и Воротынскому и Трубецкому не оставалось ничего, какъ отступить. Какъ только въ другихъ городахъ узнали объ отступленіи царскаго войска, возстаніе стало всеобщимъ. Боярскій сынъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; въ то же время возстало княжество Рязанское подъ предводительствомъ Григорія Сумбулова и дворянина Прокопія Ляпунова. Все это были люди энергичные, ловкіе, смѣлые, въ особенности Ляпуновъ. Послѣдній былъ человѣкъ красивой наружности, умный, храбрый, искусный въ военномъ дѣлѣ. Онъ возсталъ за Дмитрія противъ Шуйскаго; неизвѣстно, былъ ли онъ, дѣйствительно, убѣжденъ въ томъ, что Дмитрій—истинный царь. По всей вѣроятности, онъ и не придавалъ особеннаго значенія этому вопросу. Услыхавъ о разгорѣвшемся возстаніи, онъ примкнулъ къ нему потому, что принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, по своей энергической природѣ, не могутъ выносить нерѣшительности, не умѣютъ ждать. Къ тому же, возстаніе противъ Шуйскаго было вмѣстѣ съ тѣмъ возстаніемъ противъ власти бояръ, охранявшихъ старину и не допускавшихъ въ свою среду людей новыхъ; потому то оно и

было привлекательно для такихъ людей, какъ Ляпуновъ, Сумбуловъ и Пашковъ,—людей, рвущихся впередъ, жаждавшихъ власти, но по происхожденію не имѣвшихъ на это права.

Какъ могучій потокъ, разливалось возстаніе по всѣмъ областямъ Россіи, захватывая даже инородцевъ, обрадовавшихся случаю сбросить съ себя подчиненіе ненавистной имъ Москвѣ. Мордва, подъ начальствомъ двухъ мордвиновъ, Москова и Вокорлина, съ присоединившимися къ ней холопами и крестьянами осадила Нижній-Новгородъ. Пермь, Вятская земля и Астраханское царство тоже примкнули къ движенію. Болотниковъ, соединившись съ Пашковымъ, перейдя Оку, двинулся къ Москвѣ и взялъ Коломну. Правда, отрядъ царскаго войска подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго одержалъ побѣду на берегахъ рѣки Пахры, но главная часть войска подъ начальствомъ боярина Мстиславскаго была разбита на голову при селѣ Троицкомъ, въ 70 верстахъ отъ Москвы. Болотниковъ шелъ къ Москвѣ, гоня передъ собой побѣжденныхъ, и остановился у с. Коломенскаго. Положеніе Шуйскаго было безвыходное,—очевидно, царствованію его пришелъ конецъ. Цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ повысились, народъ ропталъ. Мало было желающихъ терпѣть голодъ изъ-за Шуйскаго. Но счастье скоро отвернулось отъ мятежниковъ. Дѣло въ томъ, что въ войскѣ ихъ господствовало раздвоеніе. Какъ только Болотниковъ прибылъ къ Москвѣ, онъ сталъ разсылать грамоты, въ которыхъ говорилось, что боярскимъ

холопамъ слѣдуетъ побить своихъ бояръ, захватить ихъ имущество, грабить и убивать торговыхъ людей. Такія слова были, очевидно, не по духу дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, соединившимся съ Болотниковымъ. Рѣшившись выбрать изъ двухъ золъ меньшее и снова служить Шуйскому, они отправились съ повинной къ царю, заранѣе увѣренные въ помилованіи. Ляпуновъ и Сумбуловъ явились первыми, и Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Кромѣ того, счастливый оборотъ дѣла для Шуйскаго произошелъ въ Твери. Архіепископомъ здѣсь былъ въ это время Ѳеоктистъ, человѣкъ сильной воли, имѣвшій вліяніе на населеніе. Когда толпа приверженцевъ самозванца показалась въ Тверскомъ уѣздѣ, Ѳеоктистъ собралъ духовенство, дѣтей боярскихъ, приказныхъ и укрѣпилъ ихъ въ вѣрности Шуйскому. Лишь только мятежники приблизились къ Твери, какъ были встрѣчены съ оружіемъ въ рукахъ и побиты. Другіе города Тверской области скоро также послѣдовали примѣру Твери, и служилые люди ихъ направились въ Москву, на подмогу Шуйскому. Также вѣрнымъ Шуйскому остался Смоленскъ. Произошло это потому, что смольняне издавна чувствовали вражду къ Польшѣ. Смольняне, лишь только узнали, что долженъ притти въ Москву царь изъ Польши, тотчасъ собрали служилыхъ людей и отправили ихъ въ Москву подъ начальствомъ Григорія Полтева. По дорогѣ они очистили отъ мятежниковъ Дорогобужъ и Вязьму, изъ которыхъ служилые люди соедини-

лись съ ними, и всѣ вмѣстѣ перешли въ Можайскъ, куда явился также воевода Колычевъ, прогнавшій мятежниковъ изъ Волоколамска.

Шуйскій почувствовалъ, что еще не все потеряно. Онъ отправилъ къ Болотникову пословъ, чтобы уговорить его отстать отъ самозванца, и обѣщалъ ему всевозможныя милости. Но Болотниковъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отказаться отъ разъ задуманнаго предпріятія. Приходилось рѣшать дѣло оружіемъ.

Князь Михайла Скопинъ-Шуйскій, дождавшись прихода смольнянъ, двинулся къ Коломенскому. Войска Болотникова дрались отчаянно, но ихъ погубила измѣна Истомы Пашкова, который перешелъ на сторону Шуйскаго,—полагаютъ, что Болотниковъ не хотѣлъ уступить ему первенства, а быть ниже «холопа» Пашковъ не хотѣлъ. Потерпѣвъ пораженіе, Болотниковъ засѣлъ въ укрѣпленномъ коломенскомъ станѣ, но, въ концѣ-концовъ, былъ принужденъ покинуть его и засѣсть въ Калугѣ. Нѣсколько разъ ходили царскіе воеводы на приступъ Калуги, но все напрасно. Наконецъ, боярину Романову и князу Мезецкому удалось разбить войска князя Рубца-Мосальскаго, приближавшагося на помощь Болотникову. Самъ Мосальскій былъ убитъ, а войско его потерпѣло полное пораженіе. Воеводы обрадовались, думая, что теперь Болотниковъ, узнавъ о пораженіи Мосальскаго, упадетъ духомъ и сдастъ городъ. Но онъ продолжалъ оставаться твердымъ. Продовольствія въ городѣ могло хватить еще надолго, а казаки были люди

храбрые и привычные къ сраженіямъ. Осада затянулась и продолжалась всю зиму. Болотниковъ часто производилъ вылазки и въ большинствѣ случаевъ удачно. Царь видѣлъ, что съ нимъ ничего невозможно сдѣлать.

Однажды къ царю явился одинъ нѣмецъ, по имени Фидлеръ, и предложилъ отравить Болотникова. Царь согласился и обѣщалъ ему всевозможныя награды въ случаѣ удачнаго исполненія замысла. Фидлера заставили присягнуть. Шуйскій далъ ему въ видѣ задатка 1000 рублей и коня, обѣщавъ гораздо больше въ случаѣ успѣха. Фидлеръ отправился въ Калугу, но, явившись туда, не только не отравилъ Болотникова, но разсказалъ ему о заговорѣ и передалъ даже бывшій у него ядъ.

Однако, запасы въ Калугѣ истощались и къ концу зимы холопы и казаки, составлявшіе ратную силу Болотникова, принуждены были довольствоваться лошадинымъ мясомъ, но все-таки еще держались.

Шаховской видѣлъ, что, если сейчасъ не появится Дмитрій, то дѣло приметъ для мятежниковъ плохой оборотъ. Тщетно писалъ онъ Молчанову, чтобы онъ, подъ именемъ Дмитрія, ѣхалъ въ Москву. Въ такой крайности онъ рѣшилъ воспользоваться казацкимъ самозванцемъ Петромъ. Происхожденіе его таково: еще въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Дмитрія терскіе казаки стали завидовать донскимъ, что тѣ, послуживъ Дмитрію, пользовались отъ него выгодами. Они рѣшили, что было бы недурно и имъ

выставить своего самозванца и какъ-нибудь поживиться. Нашелся подходящій человѣкъ по имени Илейка; Илейка этотъ былъ темнаго происхожденія, точно не выясненнаго. Казаки придумали довольно сложную и остроумную комбинацію, состоящую въ слѣдующемъ: пускай самозванецъ назоветъ себя царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора, котораго будто бы подмѣнили дочерью: та, которую назвали дочерью— умерла, а настоящій сынъ живъ. Выдумка эта понравилась всему терскому казачеству; какъ только появился Петръ, къ нему примкнуло множество казаковъ, жаждавшихъ поживиться при ожидаемыхъ неурядицахъ. Этого-то Петра и призвалъ Шаховской, въ ожиданіи, пока не найдется кто-нибудь, согласный выдать себя за царевича Дмитрія. Шаховскому нуженъ былъ кто-либо съ царственнымъ именемъ, лишь бы только затянуть смуту и погубить Шуйскаго. Узнавъ объ этомъ движеніи, Телятевскій, подкрѣпленный однимъ изъ отрядовъ Петра, выступилъ изъ Тулы къ Калугѣ на помощь Болотникову и при Пчельнѣ разбилъ царское войско, высланное на него изъ-подъ Калуги. Вѣсть объ этомъ пораженіи навела ужасъ на царскія войска, стоявшія у Калуги подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. 15000 царскихъ войскъ перешло на сторону Болотникова, который, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и направился къ Тулѣ для соединенія съ находящимся тамъ Лжепетромъ. Шуйскій рѣшилъ дѣйствовать рѣшительно: онъ съ большимъ

трудомъ собралъ большое войско въ 100,000 человѣкъ и, самъ ставъ во главѣ его, рѣшилъ сразиться съ войсками мятежниковъ. Цѣлый день бились царскія дружины съ войсками Болотникова и Лжепетра. Счастье долго колебалось между обѣими сторонами, но, наконецъ, царскія войска одержали верхъ, на голову разбивъ противниковъ. Шуйскій рѣшилъ довести дѣло до конца и осадилъ Тулу, гдѣ засѣли Шаховской, Болотниковъ и Лжепетръ съ оставшимися у нихъ войсками. Осажденные нѣсколько разъ посылали гонцовъ въ Польшу, умоляя немедленно выслать имъ какого-нибудь Лжедмитрія. Наконецъ, просьбы ихъ были исполнены—самозванецъ нашелся. О немъ ходили самые разнорѣчивые слухи: кто говорилъ, что это былъ поповъ сынъ Матвѣй Веревкинъ, другіе—что это былъ сынъ князя Курбскаго, третьи, наконецъ,—что это былъ школьный учитель, по имени Иванъ, изъ города Сокола,—однимъ словомъ, ходило столько разнорѣчивыхъ мнѣній, что немыслимо угадать, которое изъ нихъ было истиннымъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ былъ изъ духовнаго званія, потому что былъ человѣкъ грамотный и начетчикъ въ священномъ писаніи. Наружностью онъ нисколько не походилъ на перваго самозванца, нравственный же характеръ его ясно видѣнъ изъ того, что онъ принялъ на себя роль самозванца, и, если судить по иностраннымъ извѣстіямъ, которымъ мы не имѣемъ основанія не вѣрить, былъ человѣкомъ грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ, какъ видно изъ его поступковъ, не лишеннымъ нѣкоторой сообразительности и умѣнія приноравливаться къ обстоятельствамъ.

Этотъ самозванецъ, извѣстный въ русской исторіи подъ именемъ Тушинскаго вора, появился впервые въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, затѣмъ пробрался въ Стародубъ, откуда сталъ разглашать, что царь Дмитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Стародубцы признали его царемъ и стали разсылать грамоты по другимъ городамъ, приглашая ратныхъ людей на помощь царю. Самъ онъ разсылалъ грамоты по литовскимъ городамъ съ просьбой о помощи.

«Въ первый разъ,—писалъ онъ,—я съ литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь итти съ ними же». Около него стала понемногу собираться дружина, преимущественно изъ поляковъ. Начальникомъ надъ ней онъ поставилъ нѣкоего поляка Мѣховецкаго, но дружина эта была недостаточно велика, чтобы рѣшиться итти съ нею на выручку Тулы, и участь послѣдней была рѣшена.

Боярскій сынъ Кривковъ посовѣтовалъ Шуйскому затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу. Сначала къ этому проекту отнеслись съ недовѣріемъ, но потомъ Шуйскій предоставилъ Кривкову привести въ исполненіе свой планъ. Запрудили Упу, и разлившаяся рѣка залила городъ. Положеніе осажденныхъ было безвыходное. Болотниковъ и Лжепетръ вступили въ переговоры о сдачѣ. Они соглашались сдать городъ при условіи полнаго помилованія. Положеніе

Шуйскаго не было настолько блестяще, чтобы не желать какъ можно скорѣе избавиться отъ Лжепетра и Болотникова, тѣмъ болѣе, что до него уже дошло извѣстіе о второмъ Лжедмитріи. Онъ обѣщалъ помилованіе, и 10 октября Тула сдалась. Но обѣщаніе о помилованіи исполнено не было, такъ какъ Болотниковъ былъ слишкомъ опасный человѣкъ, чтобы оставить его въ живыхъ. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь, гдѣ его спустя немного времени утопили, Лжепетра повѣсили, а Шаховской, «всей крови заводчикъ», по выраженію лѣтописца, былъ сосланъ на Кубенское озеро, въ пустынь. Шуйскій, торжествуя, возвратился въ Москву, но торжество его было преждевременно, такъ какъ, хотя онъ, дѣйствительно, избавился отъ одной изъ грозившихъ ему опасностей, зато появилась другая и грозила еще бо̀льшими осложненіями. Когда у Лжедмитрія набралось тысячъ до трехъ войска, онъ направился изъ Карачева въ Козельскъ и, взявъ его и разграбивъ, снова вернулся въ Карачевъ. Но на обратномъ пути литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, захотѣли уйти отъ него съ добычею, взятою подъ Козельскомъ, и начали волноваться. Дмитрій былъ не предпріимчиваго и не храбраго нрава, испугался и съ небольшимъ отрядомъ людей, на которыхъ совершенно полагался, ушелъ въ Орелъ. Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ, звалъ его обратно, говоря, что войско успокоится, если онъ пріѣдетъ. Дмитрій снова пріѣхалъ, но, видя, что войско не перестаетъ волноваться, снова

украдкою выѣхалъ по дорогѣ въ Путивль; но тутъ ему попались навстрѣчу войска, посланныя отъ богатаго пана князя Рожинскаго, подъ начальствомъ нѣкоего Валовскаго, въ количествѣ 1000 человѣкъ. Потомъ онъ встрѣтилъ Тышкевича съ украинской вольницей, князя Адама Вишневецкаго и, столь знаменитаго впослѣдствіи, Лисовскаго, по совѣту котораго Лжедмитрій во главѣ всѣхъ этихъ войскъ двинулся къ Брянску.

Но на подмогу Брянску явились воеводы князь Куракинъ и князь Литвинъ-Мосальскій. Не надѣясь взять города, Лжедмитрій отступилъ, снова засѣвъ въ Орлѣ. Между тѣмъ, въ Польшѣ люди, бывшіе не прочь поживиться насчетъ Москвы, услышавъ вѣсть о появленіи самозванца, начали собираться подъ начальство князя Рожинскаго. Когда набралось до 4000 человѣкъ, Рожинскій выступилъ съ ними для соединенія съ Лжедмитріемъ. Дойдя до Кромъ, онъ остановился въ этомъ городѣ и оттуда отправилъ пословъ въ Орелъ къ самозванцу, предлагая ему свои условія службы и требуя денегъ. Но между самозванцемъ и Рожинскимъ произошли нелады, благодаря тому, что Мѣховецкій, стоявшій во главѣ войскъ самозванца, чувствовалъ, что, съ приходомъ Рожинскаго, ему придется уступить ему первенство и потому постарался поссорить самозванца съ Рожинскимъ. Это ему настолько удалось, что поляки Рожинскаго рѣшили уже возвращаться назадъ, но недоразумѣніе было улажено Валовскимъ, Вишневецкимъ и нѣкіимъ Харлинскимъ. Мѣховецкій былъ

свергнутъ и гетманомъ былъ назначенъ князь Рожинскій.

Въ это время къ Лжедмитрію прибывали все новыя силы. Пріѣхало 5000 донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго; Заруцкій еще ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами; потомъ, когда онъ выросъ, ему удалось убѣжать къ донскимъ казакамъ, и теперь онъ перешелъ къ Лжедмитрію уже старшиной. Онъ выдѣлялся среди казаковъ своей красотой и отвагою. Кромѣ того, пришло до 3000 запорожцевъ—и все это вмѣстѣ составило довольно внушительную силу. Москва, до которой доходили извѣстія о самозванцѣ, порою сильно преувеличенные, была въ большомъ волненіи. Слухи ходили самые разнорѣчивые, разсказывалось о всевозможныхъ недобрыхъ предсказаніяхъ и видѣніяхъ. Несмотря на это, Шуйскій, желая воспользоваться спокойнымъ зимнимъ временемъ, 17 января 1608 года отпраздновалъ свою свадьбу съ княжною Маріей Буйносовой-Ростовской, съ которой былъ помолвленъ еще до своего воцаренія. Между тѣмъ, Лжедмитрій съ княземъ Рожинскимъ подступили къ Болхову и здѣсь разбили царское войско, бывшее подъ начальствомъ брата царя князя Дмитрія Шуйскаго и князя Василія Голицына. Царское войско бѣжало и бѣглецы, достигшіе Москвы, вѣроятно, желая извинить свое пораженіе, разсказывали, что войскъ у самозванца неимовѣрное количество, и что справиться съ нимъ нѣтъ никакой возможности.

Между тѣмъ, самозванецъ, дѣлая громадные

переходы, спѣшилъ какъ можно скорѣе къ Москвѣ. 5000 человѣкъ, сдавшихся въ Болховѣ и присягнувшихъ самозванцу, измѣнили ему и ушли въ Москву. Въ Москвѣ они разсказывали, что войскъ у Лжедмитрія вовсе не такъ много, какъ это разсказывали первые бѣглецы, и что бояться нечего. Самозванецъ всѣми способами старался умножить свое войско и для этого велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобы крестьяне, господа которыхъ служатъ Шуйскому, брали себѣ ихъ помѣстья и вотчины. Быстрыми шагами подвигался самозванецъ къ Москвѣ, не встрѣчая задержки ни въ одномъ городѣ на своемъ пути.

Въ Звенигородѣ войско самозванца встрѣтило польскихъ пословъ, которые увѣдомили поляковъ, сопровождавшихъ самозванца, что они должны уйти изъ Московскаго государства и не нарушать мирнаго договора, заключеннаго между Москвою и Польшей. Но поляки не послушались и направились дальше къ Москвѣ. 1 іюня самозванецъ подошелъ къ Москвѣ и остановился на правомъ берегу Москвы-рѣки, откуда, какъ на ладони, была видна столица. Золоченые верхи ея безчисленныхъ церквей ярко блестѣли подъ лучами солнца. Поляки осматривались, выбирая мѣсто, занявъ которое, они могли бы захватывать обозы, привозящіе въ столицу продовольствіе. Рѣшили остановиться пока въ с. Тайнинскомъ, лежащемъ за семь верстъ отъ Москвы, на правомъ берегу рѣки. Но расчеты ихъ не оправдались, такъ какъ, наоборотъ, москвичи

захватывали ихъ обозы, приходившіе изъ Сѣверской земли. Рѣшили перебраться на другое мѣсто и избрали село Тушино; при переходѣ имъ преградило путь московское войско. Поляки пробились и дошли до Тушина, гдѣ и расположились лагеремъ. Мѣсто было, дѣйствительно, очень удобно, такъ какъ съ трехъ сторонъ было ограждено рѣками, только съ одной стороны на небольшомъ пространствѣ нужно было возвести искусственное укрѣпленіе. Не успѣли еще хорошенько укрѣпиться, какъ дошелъ слухъ, что московское войско готовится напасть на нихъ. Рожинскій рѣшилъ предупредить нападеніе.

Царское войско стояло, растянувшись отъ города до рѣки Ходынки. Самъ Шуйскій стоялъ на Ваганьковскомъ полѣ. Его станъ былъ окопанъ рвомъ, и по рву были поставлены стрѣльцы и пушкари съ орудіями. Рожинскій напалъ ночью врасплохъ на царское войско, захватилъ весь обозъ и много орудій и погналъ бѣгущихъ до самаго города, но здѣсь царское войско, подкрѣпленное войсками, высланными Шуйскимъ, остановившись, въ свою очередь погнало поляковъ. Отступивъ до рѣки Химки, поляки снова ударили на русскихъ и отогнали ихъ за Ходынку. Послѣ этого они вернулись въ свой Тушинскій лагерь. Обозъ и орудія русскихъ все же остались въ рукахъ Рожинскаго. Между тѣмъ, Лисовскій съ казаками дѣйствовалъ самостоятельно и взялъ городъ Зарайскъ. Для освобожденія Зарайска пришелъ изъ Рязани воевода Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокопія, но былъ

разбитъ Лисовскимъ. Затѣмъ Лисовскій пошелъ къ Коломнѣ, взялъ приступомъ этотъ городъ и направился къ Москвѣ, но на дорогѣ былъ встрѣченъ царскими войсками подъ начальствомъ князей Куракина и Лыкова, и, вступивъ съ ними въ бой, потерпѣлъ полное пораженіе, а Коломна была ими взята обратно. Такъ велась война съ перемѣннымъ счастьемъ, но положеніе Шуйскаго было незавидно. Самозванецъ укрѣпился въ Тушинѣ, и къ нему прибывали все новыя и новыя силы. По преимуществу приходили поляки во главѣ небольшихъ отрядовъ, человѣкъ до 1000. Такъ пришли Бобровскій, Валомовскій, Александръ Зборовскій и, наконецъ, Янъ Сапѣга, имя котораго впослѣдствіи, въ соединеніи съ именемъ Лисовскаго, пріобрѣло такую печальную извѣстность на страницахъ русской исторіи. Самозванецъ радовался всѣмъ этимъ подкрѣпленіямъ, но нужнѣе всѣхъ ихъ было ему присутствіе въ его станѣ жены убитаго Лжедмитрія. Марія Мнишекъ послѣ убійства мужа долго оставалась въ Москвѣ, удерживаемая московскимъ правительствомъ, требовавшимъ отъ нея тѣхъ денегъ, которыя она будто бы получила во время кратковременнаго царствованія ея мужа. Второму самозванцу было необходимо, чтобы Марина признала его своимъ мужемъ.

Въ то время, какъ самозванецъ стоялъ подъ Москвой, Марина со своимъ отцомъ была отпущена въ Польшу и ѣхала подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Узнавъ объ этомъ, самозва-

нецъ разослалъ въ присягнувшіе ему города приказъ задерживать всѣхъ литовскихъ людей и не пропускать ихъ въ Польшу. Не довольствуясь этимъ распоряженіемъ, онъ разослалъ нѣсколько отрядовъ въ погоню за Мнишками. Одинъ изъ нихъ подъ начальствомъ Зборовскаго нагналъ Мнишка подъ Бѣлою и, разбивъ сопровождавшій ихъ отрядъ, воротилъ ихъ. Марина и ея отецъ не хотѣли прямо ѣхать въ Тушино, и пріѣхали раньше въ станъ Сапѣги, откуда уже вели переговоры съ самозванцемъ. Долгіе переговоры съ Мариной и ея отцомъ, ея нежеланіе сразу ѣхать въ Тушино—были очень вредны для самозванца, и когда, въ концѣ-концовъ, съ ея стороны послѣдовало согласіе признать въ немъ перваго Дмитрія, то это не могло изгладить перваго впечатлѣнія, произведеннаго ея сомнѣніями. Какъ-ни какъ, Марина и ея отецъ согласились, наконецъ, пріѣхать въ Тушино. Мнишку было обѣщано 300,000 рублей тотчасъ послѣ того, какъ самозванецъ захватитъ московскій престолъ; кромѣ того, ему было обѣщано во владѣніе Сѣверское княжество съ четырнадцатью городами. 5 сентября въ станѣ Сапѣги произошло тайное вѣнчаніе Марины со вторымъ Лжедмитріемъ.

Самозванецъ дѣйствовалъ при помощи польскихъ отрядовъ; Мнишекъ и дочь его признали самозванца истиннымъ Дмитріемъ; однимъ словомъ, мирный договоръ, заключенный Россіей съ Польшей, былъ нарушенъ. Шуйскому ничего не оставалось, какъ обратиться за помощью къ

давнишнему врагу Польши — шведскому королю. Шведскій король еще раньше предлагалъ свои услуги но это было какъ разъ въ то время, когда Шуйскому удалось отогнать Болотникова отъ Москвы, и, обнадеженный этой удачей, онъ расчитывалъ собственными средствами подавить мятежъ. Другой разъ шведскій король Карлъ IX прислалъ гонца своего въ Москву въ то время, какъ Шуйскій стоялъ подъ Тулою. И на этотъ разъ Шуйскій также сначала отказался принять предлагаемую помощь. Но дѣла его пошли столь плохо, что помощь оказалась необходимой. Шуйскій отправилъ племянника своего, князя Скопина-Шуйскаго, въ Новгородъ, чтобы оттуда завести сношенія со шведскимъ королемъ. Скопинъ вступилъ въ переговоры съ пріѣхавшимъ въ Новгородъ королевскимъ секретаремъ Монсомъ Мортензономъ, и договорился съ нимъ, что шведы придутъ въ количествѣ 5000 человѣкъ, на содержаніе которыхъ московское правительство обязывалось выдавать по 100,000 ефимковъ*) ежемѣсячно. Заключеніе окончательнаго договора было отложено до съѣзда въ Выборгѣ. Но въ то время, какъ шведы только дали обѣщаніе, поляки, дѣйствительно, помогали своему союзнику—самозванцу.

Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать самостоятельно, отдѣлился отъ главной части войскъ и направился къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и

*) Старинное названіе нѣкоторыхъ иностранныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ.

восточными городами и, кромѣ того, представлялъ изъ себя, въ случаѣ захвата, богатую добычу. На перерѣзъ Сапѣгѣ Шуйскій послалъ брата своего Ивана, но московское войско было разбито подъ селомъ Рахмановымъ и Иванъ Шуйскій вернулся въ Москву, потерявъ около половины своихъ людей. Василій Ивановичъ былъ поставленъ въ очень трудное положеніе. Дѣло въ томъ, что многіе изъ жителей Москвы, не желая проливать свою кровь ни за царя Московскаго ни за самозванца, находились въ выжидательномъ положеніи. И при первой серьезной неудачѣ Шуйскаго, вѣроятно, перешли бы на сторону Лжедмитрія. Поэтому Шуйскій оповѣстилъ москвичей, что намѣренъ выдержать осаду въ городѣ, и что тотъ, кто не хочетъ сидѣть съ нимъ, воленъ выѣхать изъ Москвы. Но большинство москвичей, опасаясь не испытывалъ ли Шуйскій ихъ вѣрность къ себѣ и усердіе, чтобы послѣ жестоко наказать невѣрныхъ и неусердныхъ, не рѣшились послѣдовать этому предложенію. Всѣ цѣловали крестъ на свою вѣрность, но черезъ нѣсколько дней многіе московскіе служилые люди и боярскія дѣти поѣхали въ Тушино. Ѣхали большей частью только люди, которые при московскомъ дворѣ не могли расчитывать получить высшее положеніе, чѣмъ имѣли до этихъ поръ, при новомъ же дворѣ, дворѣ самозванца, они могли надѣяться на возвышеніе.

Между тѣмъ Сапѣга, съ присоединившимся къ нему Лисовскимъ, осадилъ Троицкій мона-

стырь, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 90,000 войска. Но первыя попытки завладѣть монастыремъ были неудачны и Сапѣга увидѣлъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время и потому долженъ былъ озаботиться о заготовленіи продовольствія на зиму. Трудно точно опредѣлить количество защитниковъ Троицкаго монастыря, вѣроятно ихъ было около 1500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ. Въ монастырѣ было еще много женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь и тѣснота была страшная. Во главѣ монастырскихъ защитниковъ стояли князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвостовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ то время Іоасафъ, но повидимому онъ игралъ второстепенную роль, гораздо больше выдѣлялся келарь монастыря Авраамій Палицынъ. Послѣдній, принимавшій важное участіе въ событіяхъ и, какъ человѣкъ, описавшій эти событія, имѣетъ такое значеніе, что мы должны обратить на него особое вниманіе и припомнить его предыдущую жизнь.

Авраамій Палицынъ, въ міру Аверкій Ивановичъ, въ 1588 году, въ царствованіе сына Іоанна Грознаго Ѳеодора, подвергся опалѣ. Имѣніе его было отобрано въ казну, самъ же онъ былъ сосланъ и постриженъ или своей волей постригся въ монахи. Причина опалы неизвѣстна, но извѣстно, что въ томъ же 1588 году были подвергнуты опалѣ князья Шуйскіе и ихъ сторонники и друзья, вслѣдствіе замысловъ противъ Году-

нова. Въ царствованіе Годунова опала была снята съ Палицына, но послѣдній при Годуновѣ и въ царствованіе самозванца оставался въ уединеніи и лишь при вступленіи на престолъ Шуйскаго сразу получилъ важное значеніе, сдѣлавшись келаремъ Троицкаго монастыря—перваго по важности и богатству монастыря въ Россіи. Теперь келаремъ называется лицо, завѣдующее хозяйственной частью монастыря, прежде же на его обязанности лежало управленіе всѣми монастырскими вотчинами и землями, которыхъ у такого богатаго монастыря, какъ Троицкій, было не мало. Кромѣ того онъ былъ посредникомъ между монастыремъ и государемъ. Такое возвышеніе, а также совпаденіе его опалы съ опалой Шуйскаго можетъ навести на мысль о его близости съ новымъ царемъ. Царь и впослѣдствіи оказывалъ Авраамію Палицыну всевозможныя льготы. Судя по всему Палицынъ былъ человѣкъ ловкій, дѣловой, умѣющій примѣняться къ обстоятельствамъ, начитанный, однимъ словомъ такой, какимъ долженъ быть келарь, ибо келарь былъ представителемъ монастыря передъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ монастыремъ, но всѣ ихъ нападенія были отбиты, а осадныя работы уничтожены; многіе изъ монаховъ встали въ ряды войскъ, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ. Сапѣга и Лисовскій писали грамоты къ осажденнымъ, упрекая ихъ

въ томъ, что они забыли милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его Дмитрія Ивановича. Писали также архимандриту Іоасафу, требуя, чтобы онъ запретилъ монахамъ учить воинство не покоряться царю Дмитрію. Они разослали также грамоты, обращенныя къ воеводамъ и ратнымъ людямъ, склоняя ихъ къ сдачѣ и обѣщая богатыя награды, въ противномъ же случаѣ угрожая имъ страшной смертью. Но осажденные видѣли передъ собой не царевича Дмитрія, а иновѣрцевъ-поляковъ, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и монастырскія сокровища. Здѣсь они стояли не за Шуйскаго только, а за священную обитель, и потому измѣна не могла пересилить вѣрности. Однако измѣна вкралась и сюда. Нашлись среди монаховъ и дѣтей боярскихъ перебѣжчики, которые не могли вынести тягости осады, ставшей особенно трудной въ зимнее время. Осенью, пока еще не наступили холода, толпы народа могли жить и ночевать на улицѣ, съ наступленіемъ же холодовъ весь народъ собрался въ кельяхъ. Ко всему этому прибавился недостатокъ топлива, такъ что на дрова ломались монастырскія постройки. Благодаря тѣснотѣ и плохому питанію и холоду появились повальныя болѣзни, уносившія многихъ защитниковъ. Ко всѣмъ этимъ физическимъ бѣдствіямъ присоединилось нравственное—раздоръ между монахами и вражда между воеводами. Стали обвинять другъ друга и писать жалобы. Главнымъ поводомъ къ раздору послужилъ доносъ на казначея монастыря

Іосифа Дѣвочкина. Дѣвочкина обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ предать монастырь полякамъ. Дѣвочкина, по приказанію Долгорукаго, тотчасъ схватили и начали пытать. Подъ пыткой Дѣвочкинъ признался, что дѣйствительно готовилъ измѣну и оговорилъ многихъ своихъ соучастниковъ, въ томъ числѣ и Голохвостова. Была партія стоявшихъ за Дѣвочкина, въ ея числѣ архимандритъ Іоасафъ и Голохвостовъ. Поступокъ Долгорукаго, схватившаго и пытавшаго одного изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ, по одному лишь доносу, вызвалъ съ ихъ стороны негодованіе. Трудно провѣрить дѣйствительно ли замышлялъ измѣну Дѣвочкинъ или же его оклеветали. Признанію его подъ пытками, конечно, нельзя придавать значенія. Обвиненный въ сообщничествѣ съ нимъ Голохвостовъ остался воеводой до конца осады, несмотря на всѣ обвинительныя грамоты Долгорукаго, отправленныя имъ царю, такъ какъ грамоты эти не дошли до Москвы. Какъ бы то ни было, несмотря на происходившіе раздоры, Троицкій монастырь твердо держался, отражая многократныя нападенія Сапѣги и Лисовскаго. Не то было съ другими мѣстами сѣверной части Московскаго государства, которыя постепенно переходили въ руки тушинцевъ. Московское государство дѣлилось вообще на двѣ части—сѣверную и южную, рѣзко различавшіяся между собой. Южную часть составляли города украинные, примыкавшіе къ степи и границѣ литовской; города эти благодаря своему пограничному положенію представ-

ляли изъ себя укрѣпленія, куда стекался, главнымъ образомъ, народъ безпокойный, не могшій по разнымъ причинамъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства. Населеніе ихъ состояло преимущественно изъ казаковъ и пришлыхъ людей; понятно, что такое населеніе не представляло изъ себя устойчиваго элемента и при малѣйшей смутѣ готово было примкнуть къ ней. Что касается сѣверныхъ городовъ, то они были сравнительно съ южными въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь мирные промыслы давно уже не были прерываемы татарскими нашествіями, здѣсь развилась торговая дѣятельность и преобладали земскіе люди, преданные мирнымъ занятіямъ, желающіе порядка и спокойствія.

Элементъ противообщественный дѣйствовалъ во имя самозванца; у людей земскихъ не было представителей, ибо и въ самой Москвѣ, не только въ областяхъ, господствовала смута. Тушинцы воспользовались этимъ положеніемъ дѣлъ и захватили многіе сѣверные города. Большинство жителей находилось въ нерѣшительности, не зная какому царю присягать.

Въ такое время могущественно дѣйствовалъ на нерѣшительную толпу первый примѣръ, первый сильный голосъ. Однимъ изъ первыхъ городовъ былъ захваченъ самозванцемъ Суздаль, за нимъ Владиміръ, Переяславль. Переяславцы, лишь только показались первые отряды мятежниковъ, присягнули самозванцу и, соединившись съ нимъ, отправились на Ростовъ. Ростовцы, испугавшись приближавшихся войскъ, хотѣли бѣ-

жать далѣе на сѣверъ всѣмъ городомъ, но были остановлены митрополитомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и воеводою Третьякомъ Сентовымъ, который, собравъ нѣсколько тысячъ войска, рѣшилъ бороться съ тушинцами, но былъ ими разбитъ. Казаки и переяславцы ворвались въ соборъ, гдѣ заперся Филаретъ съ толпами народа, выбили двери и перебили множество людей. Филарета повезли въ Тушино, гдѣ его ожидало позорное назначеніе патріархомъ всѣхъ тѣхъ городовъ, которые присягнули самозванцу. Примѣръ сосѣднихъ городовъ былъ заразителенъ, и одинъ за другимъ города присягали самозванцу. Ярославль, Вологда, Тотьма во главѣ со своими воеводами передались Лжедмитрію. 22 города присягнули самозванцу, по большей части застигнутые врасплохъ, увлекаемые примѣромъ, не зная на чьей сторонѣ правда. Но скоро тушинцы своимъ поведеніемъ сами вывели ихъ, изъ этого недоумѣнія. Сперва самозванецъ разослалъ покорившимся городамъ грамоты, въ которыхъ обѣщалъ дворянамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованіе и помѣстья, духовенству же и другимъ жителямъ обѣщалъ, что никакія царскія подати не будутъ съ нихъ собираться. Но все прибывавшіе къ самозванцу поляки жаждали денегъ и требовали ихъ отъ него. Напрасно самозванецъ просилъ ихъ подождать, поляки велѣли разослать по городамъ грамоты, налагавшія новыя подати. Грамоты эти принесли громадный вредъ дѣлу Лжедмитрія. Уже присягнувшіе города пока не измѣняли ему,

но другіе, еще сомнѣвающіеся, слыша о притѣсненіяхъ поляковъ, о томъ какъ они врываются въ дома знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, берутъ товаръ безъ денегъ, обижаютъ простой народъ на улицахъ,—не желая подчиниться той же участи, оставались вѣрными Шуйскому. Изъ Тушина посылались свои сборщики, а Сапѣга изъ-подъ Троицы посылалъ своихъ, случалось, что эти сборщики сталкивались и ссорились между собой. Но крестьянамъ отъ этого было не легче, такъ какъ имъ приходилось удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и давать вдвое противъ того, сколько прежде давали. Но не только посланные Дмитрія и Сапѣги обирали жителей селъ и городовъ,—казаки, литовцы и поляки, разлакомившись на даровыя деньги и имущество, уже никѣмъ не посланные, сами, выбравъ себѣ предводителя, врывались въ города, посады и села и безпрепятственно творили тамъ все, что имъ приходило въ голову. Самозванецъ и Сапѣга назначали села и деревни на кормленіе панамъ, но случалось, что въ село, уже отданное одному пану, являлся другой и самовольно бралъ себѣ все, что хотѣлъ. Нѣтъ возможности описать всѣхъ безчинствъ, производимыхъ обрадовавшимися легкой наживѣ разгулявшимися шайками самозванца. Изъ разныхъ мѣстъ посылались челобитныя къ Дмитрію и Сапѣгѣ, который въ то время былъ сильнѣе самозванца, но насилія не прекращались, а наоборотъ съ каждымъ днемъ увеличивались. Очень скоро русскіе возненавидѣли Дмитрія и его цареніе и начали от-

падать отъ него. Крестьяне, выгнанные изъ домовъ и бродившіе оборванные и голодные по странѣ, стали собираться въ шайки, выбирали себѣ предводителя и мстили полякамъ за отобранное и уничтоженное имущество и за замученныхъ женъ и дѣтей. Шайки сносились между собой, собрались воедино и грянули на Лухъ, гдѣ были въ это время литовскіе люди, собиравшіе запасы; ихъ разбили, схватили русскихъ дворянъ, цѣловавшихъ крестъ самозванцу, и отправили въ Нижній. Въ Шуйскомъ уѣздѣ собралось до 25 тысячъ вооруженныхъ, чѣмъ ни попало, крестьянъ, но имъ не посчастливилось: суздальскій воевода Плещеевъ напалъ на нихъ и, загнавъ въ Шуйскій посадъ, уничтожилъ почти всѣхъ, зажегши посадъ, въ которомъ заперлись мужики. Это однако не прекратило возстанія. Города стали одинъ за другимъ отлагаться отъ Тушина. Такъ отложились—Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ, но они не довольствовались однимъ сверженіемъ тушинскаго ига, а чтобы не подвергнуться ему вторично, спѣшили вооружить какъ можно больше разныхъ людей, которыхъ отправляли въ Москву на помощь Шуйскому и разсылали грамоты по другимъ городамъ, убѣждая ихъ также вооружиться противъ самозванца. Во многихъ городахъ посланцевъ Лжедмитрія хватали и сажали въ тюрьмы. Шуйскій изъ Москвы увѣщевалъ сѣверное населеніе собираться вмѣстѣ противъ тушинскаго вора, но, запертый въ Москвѣ, онъ

самъ не могъ руководить движеніемъ возставшихъ противъ самозванца и предоставлялъ имъ на волю, какъ дѣйствовать. Онъ звалъ ихъ къ Москвѣ, говоря, что въ ней все обстоитъ благополучно и что ратные люди стремятся сразиться съ войсками самозванца. Въ свою очередь Скопинъ-Шуйскій разсылалъ грамоты, въ которыхъ говорилъ, что скоро выступитъ противъ мятежниковъ съ сильной шведской помощью. Возставшіе города, озлобленные на тушинцевъ, мучили и били ихъ, тушинцы не оставались у нихъ въ долгу. Воеводы, упорствовавшіе въ вѣрности самозванцу, были замучены и убиты или заперты въ тюрьмы. Во Владимірѣ жители города побили камнями своего воеводу Вельяминова, упорствовавшаго въ вѣрности Лжедмитрію. Въ Костромѣ воеводу князя Дмитрія Мосальскаго долго мучили, а потомъ, отрубивъ ноги и руки, бросили въ воду. Но не все населеніе дѣйствовало такъ энергично, какъ сѣверные города. Другіе не помогали общему дѣлу; они не цѣловали креста самозванцу, но зато и не дѣйствовали противъ него, находясь въ выжидательномъ положеніи; они предпочитали дождаться того времени, когда какая-нибудь изъ сторонъ возьметъ верхъ, не желая подвергаться напраснымъ бѣдствіямъ. Несмотря однако на распри между нѣкоторыми городами и на бездѣйствіе другихъ, дѣла земскихъ людей противъ самозванца шли успѣшно. Особенно дѣятельно и удачно вели дѣло нижегородцы. Нижній осадили толпы инородцевъ: мордвы и черемисъ, къ ко-

торымъ присоединился отрядъ тушинцевъ подъ начальствомъ князя Вяземскаго. Нижегородцы удачно отбили нападеніе, захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ самого князя Вяземскаго, котораго повѣсили, не давая знать о томъ въ Москву. О городѣ Владимірѣ лѣтописецъ говоритъ, что «владимірцы начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ»; то же свидѣтельствуютъ и враги ихъ: суздальскіе воеводы Плещеевъ и Просовецкій пишутъ Сапѣгѣ, что они ходили подъ Владиміръ вмѣстѣ съ Лисовскимъ, и хотя побили подъ городомъ измѣнниковъ государевыхъ и городъ осадили, однако взять его не могли, потому что тамъ измѣнники сѣли на-смерть и мало того разослали во всѣ понизовые города воровскія грамоты прельщать и приводить къ присягѣ Шуйскому. Между тѣмъ какъ на Сѣверѣ завязалась упорная борьба между городами и приверженцами самозванца, Москва находилась въ положеніи полнѣйшей неопредѣленности. Находилось много людей, которые, присягнувъ Шуйскому, отправлялись въ тушинскій лагерь, тамъ, получивъ жалованье отъ самозванца, снова возвращались въ Москву, не боясь преслѣдованій, и еще получали награды, такъ какъ Шуйскому былъ дорогъ раскаявшійся грѣшникъ, который своимъ возвращеніемъ свидѣтельствовалъ о ложности тушинскаго царя или невыгодности службы у него. Скоро узнавали, что, по полученіи награды, раскаявшійся снова уѣхалъ къ самозванцу, чтобы требовать отъ него жалованія;

однимъ словомъ, старались извлечь какъ можно больше выгоды изъ господствовавшаго положенія. Часто случалось, что собрались родные, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни поѣхали во дворецъ къ царю Василію, а другіе въ Тушино къ самозванцу; оставшіеся въ Москвѣ были спокойны за свое положеніе, такъ какъ въ случаѣ если одолѣетъ самозванецъ, то у нихъ всегда найдется при немъ или братъ или какой-нибудь другой близкій родственникъ, который позаботится объ ихъ судьбѣ, если же одолѣетъ Шуйскій, то они, въ свою очередь, заступятся за своихъ родственниковъ. Хотя Шуйскаго не любили въ Москвѣ, однако большинство не хотѣло его мѣнять на какого-нибудь другого боярина, тѣмъ болѣе на самозванца, отъ воцаренія котораго нельзя было ожидать ничего хорошаго, такъ какъ его приверженцы успѣли уже себя показать съ самой дурной стороны. Вотъ почему попытки свергнуть Шуйскаго кончились неудачей. Первая попытка сдѣлана была 17 февраля Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимофеемъ Грязнымъ, у которыхъ набралось до 300 сообщниковъ. Они прежде всего обратились къ боярамъ съ требованіемъ свергнуть Шуйскаго, но бояре за это дѣло не взялись, тогда заговорщики вытащили на Лобное мѣсто патріарха; онъ не шелъ добровольно, а никакое важное дѣло не принято было совершать въ отсутствіе патріарха. Когда патріархъ былъ приведенъ на площадь, то заговорщики стали кричать, обращаясь къ народу, что Шуйскій былъ

избранъ неправильно, такъ какъ избрали его одни его сообщники безъ участія земли. Но изъ толпы раздались голоса, что Шуйскій сѣлъ на царство не самъ собой, а избранъ большими боярами, дворянами и служилыми людьми, а если онъ и не угоденъ, то все же безъ согласія большихъ бояръ и остальныхъ людей всего царства свести его нельзя. Видя, что толпа несочувственно относится къ ихъ рѣчамъ, заговорщики съ криками и ругательствами бросились во дворецъ. Но Шуйскій не испугался и, выйдя къ нимъ, съ твердостью сказалъ: «Зачѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такой наглостью? Если вы хотите убить меня, то я готовъ, но свести меня съ престола безъ бояръ и всей земли вы не можете». Видя неудачу, заговорщики бѣжали въ Тушино. Послѣ этого событія Гермогенъ отослалъ въ Тушино двѣ грамоты къ ушедшимъ туда боярамъ; въ первой онъ уговариваетъ ихъ опомниться и возвратиться къ Шуйскому, обѣщая выпросить у царя прощеніе раскаявшимся. Другая грамота по содержанію своему сходна съ первой. Въ ней Гермогенъ, между прочимъ, описывая событіе 17 февраля, говоритъ: «Тѣ рѣчи были у насъ на Лобномъ мѣстѣ въ субботу сырную, послѣ чего всѣ разъѣхались, мы въ городъ, иные по домамъ, потому что враждующихъ поборниковъ не было и въ совѣтъ къ нимъ не приставалъ никто; а которые были молодые люди и тѣ имъ не потакали же и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился».

Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычевымъ; онъ окончился такъ же неудачно, какъ и первый, и стоилъ жизни главѣ его Колычеву, за котораго некому было заступиться. Въ Тушинѣ обо всемъ этомъ были хорошо освѣдомлены черезъ постоянныхъ перебѣжчиковъ. Перебѣжчики эти увѣдомляли, что хлѣбъ въ Москвѣ очень вздорожалъ, и дѣйствительно одно время платили за четверть ржи по 23 руб. на теперешнія деньги.

Толпы народа приходили къ Шуйскому, спрашивая его до какихъ поръ имъ придется сидѣть и терпѣть голодъ. Шуйскій убѣдилъ троицкаго келаря Авраамія Палицына пустить въ продажу по 7 рублей хлѣбъ изъ богатыхъ монастырскихъ житницъ, находившихся въ Москвѣ. Мѣра эта дѣйствительно нѣсколько успокоила начавшій сильно волноваться народъ. Между Москвой и Тушинымъ безпрестанно происходили мелкія битвы, не имѣвшія, впрочемъ, важнаго значенія. Неожиданно произошло довольно большое столкновеніе. Отрядъ тушинцевъ подошелъ къ Москвѣ, опрокинулъ высланное противъ него войско, и остановился на берегу рѣки Ходынки. Но Шуйскому дали знать объ этомъ и онъ выслалъ противъ него всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи ратныя силы. Тушинцы были разбиты на голову, потерявъ много людей убитыми и плѣнными. Такъ какъ плѣнныхъ поляковъ собралось довольно много, то Шуйскій рѣшилъ отправить въ Тушино одного изъ нихъ, съ тѣмъ чтобы онъ передалъ полякамъ, что царь освобо-

дитъ всѣхъ плѣнныхъ, если поляки покинутъ самозванца и выйдутъ изъ Московскаго государства. Поляки на это отвѣтили, что «скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ, дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава».

Раньше мы уже говорили, что племянникъ царя, князь Скопинъ-Шуйскій, велъ въ Новгородѣ переговоры съ послами шведскаго короля относительно предлагаемой имъ помощи. Наконецъ договоръ былъ заключенъ. Шведскій король обязался отпустить на помощь Шуйскому двѣ тысячи конницы и три тысячи пѣхоты; кромѣ того—прислать неопредѣленное число войскъ въ знакъ дружбы къ царю. Шуйскій же, въ свою очередь, отказывался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію, обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ королемъ Карломъ противъ польскаго короля Сигизмунда, и, въ случаѣ нужды, долженъ былъ отправить на помощь королю столько же ратныхъ людей, сколько въ настоящемъ случаѣ Карлъ посылалъ ему. Кромѣ того Шуйскій долженъ былъ спустя два мѣсяца, послѣ вступленія шведскихъ войскъ въ Россію уступитъ Швеціи городъ Корелу съ уѣздомъ. Шведы исполнили свое обязательство, выставивъ, кромѣ 5,000 еще 10,000 наемниковъ разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди. Шуйскій настоятельно уговаривалъ Скопина, какъ можно скорѣе итти на освобожденіе Москвы. Скопинъ-Шуйскій 10 мая выступилъ изъ Новгорода и, не теряя времени, шелъ

къ Москвѣ. Изъ Тушина, навстрѣчу ему, были высланы Зборовскій и Шаховской, имѣвшіе до 4,000 войска—поляковъ и русскихъ. Шаховской, какъ было сказано раньше, находился въ ссылкѣ въ пустынѣ, на Кубенскомъ озерѣ, но во время занятія войсками самозванца Сѣверныхъ городовъ успѣлъ освободиться изъ своего заключенія и бѣжалъ въ Тушино. Зборовскій встрѣтился съ передовымъ отрядомъ Скопина около Торжка и разбилъ его, но узнавъ, что вслѣдъ за этимъ отрядомъ двигается самъ Скопинъ съ главными силами, отступилъ къ Твери, гдѣ соединился съ находившимся тамъ отрядомъ казаковъ подъ начальствомъ Кернцицкаго. Скопинъ съ своей стороны соединился въ Торжкѣ съ смоленскимъ ополченіемъ и далъ Зборовскому битву подъ Тверью. Въ этой битвѣ побѣда, хотя и сомнительная, осталась за Зборовскимъ. Но затѣмъ тушинское войско безъ всякой предосторожности и порядка расположилось кто въ полѣ, кто въ самомъ посадѣ. Скопинъ со шведами воспользовался этимъ и нанесъ Зборовскому и Шаховскому сильное пораженіе. Зборовскій принужденъ былъ отступить отъ Твери, а Скопинъ двинулся впередъ, какъ вдругъ узналъ, что шедшіе за нимъ шведскія войска отказываются итти дальше, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что русскіе не исполняютъ своихъ обязательствъ, что вмѣсто платы за четыре мѣсяца имъ дали только за два, и что хотя уже прошелъ положенный срокъ, русскіе не очищаютъ Корелы. Скопинъ, пославши уговаривать Делагарди, переправился черезъ Волгу

по лѣвому ея берегу достигъ Калязина, гдѣ и остановился. Зборовскій же соединился съ Сапѣгою и безуспѣшно приступалъ къ Троицкому монастырю. Боясь усиленія Скопина, такъ какъ тотъ успѣлъ соединиться съ сѣверными отрядами и выпросилъ у Делагарди около 1000 человѣкъ, Сапѣга и Зборовскій выступили противъ него къ Калязину, но понесли сильное пораженіе на рѣкѣ Жабнѣ и удалились опять къ Троицкому монастырю.

Теперь самымъ необходимымъ для Шуйскаго было достать какъ можно больше денегъ для уплаты шведскому войску. Шуйскій сталъ разсылать грамоту за грамотой въ сѣверные, вѣрные ему города. Но нѣкоторые изъ городовъ, какъ напримѣръ Пермь, старались подъ всевозможными предлогами отдѣлаться отъ присылки денегъ. Не такъ поступили соловецкіе монахи, которые два раза посылали въ Москву по 17,000 рублей на теперешнія деньги. Былъ также посланъ въ Корелу приказъ очистить городъ для шведовъ. Скопинъ, между тѣмъ, стоя въ Калязинѣ, занимался обученіемъ своихъ солдатъ и велъ переговоры съ Делагарди относительно возвращенія на службу его отряда. Постепенно сходились къ Москвѣ ратные люди изъ сѣверныхъ городовъ, готовясь подъ московскими стѣнами дать рѣшительное сраженіе самозванцу. Послѣдній былъ въ сильномъ безпокойствѣ и усиленно отзывалъ отъ Троицы Сапѣгу и Зборовскаго.

Въ это время въ Польшѣ дѣло сложилось

такъ, что это имѣло громадное вліяніе на послѣдующій ходъ событій въ Россіи.

При вступленіи на престолъ Василія Шуйскаго, королю польскому Сигизмунду III, занятому внутренними неурядицами, было не до Москвы, но неурядицы уладились въ самомъ выгодномъ смыслѣ для Сигизмунда и теперь онъ имѣлъ возможность заняться дѣлами внѣшними. Пока Шуйскій собственными мѣрами боролся противъ самозванца, Сигизмундъ могъ еще спокойно ждать развязки, но когда Шуйскій вступилъ въ переговоры и заключилъ союзъ со шведскимъ королемъ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Польши и самого Сигизмунда, послѣдній не могъ оставаться въ покоѣ; съ другой стороны поляки, вернувшіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него и что стоитъ ему показаться съ войскомъ въ московскихъ предѣлахъ, какъ бояре примутъ его сторону и присягнутъ сыну его королевичу Владиславу, заставивъ Шуйскаго отказаться отъ престола. Уговариваемый своими приближенными и расчитывая на скорый успѣхъ, король направился къ московскимъ границамъ. Но большая часть поляковъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ относилась несочувственно къ этому походу, считая, что король выступилъ въ походъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ Польши. Поэтому Сигизмунду необходимо было увѣрить ихъ въ противномъ, увѣрить не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ, совершивъ для Польши, а не для себя какое-нибудь важное пріобрѣтеніе. Такимъ пріобрѣтеніемъ могъ быть

Смоленскъ. Смоленскъ издавна былъ яблокомъ раздора между Польшей и Россіей и много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, оставшись наконецъ за Россіей. Но Польша не могла забыть такой важной потери. Сигизмунда увѣдомляли, что ему будетъ не трудно завладѣть городомъ, такъ какъ воевода его Шеинъ и жители охотно сдадутся ему. Вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, убѣждавшаго короля двинуться въ Сѣверскую область и захватить, плохо укрѣпленные въ ней, города, король не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску. Итакъ союзъ Москвы со шведами понудилъ поляковъ ускорить рѣшительныя мѣры относительно Москвы. Цѣль поляковъ была очевидна—покореніе Московскаго государства, а не возведеніе на престолъ царевича Владислава. Смутное состояніе Московскаго государства должно было способствовать его завоеванію, но все же это бы было дѣло не легкое, если бы поляки вступили въ московскія владѣнія съ явно враждебными, завоевательными намѣреніями. Московское государство раздѣлилось между двумя искателями престола и полякамъ для облегченія своихъ стремленій очевидно необходимо было выставить съ своей стороны также искателя, именно королевича Владислава, на котораго указывали еще при жизни перваго Лжедмитрія многіе изъ бояръ. Прежде чѣмъ подойти къ Смоленску, Сигизмундъ послалъ жителямъ города грамоту, въ которой указывалъ, что, со смертью царя Ѳеодора, московскими государями стали люди не царскаго рода

и Богъ послалъ на Московское царство несчастія и междоусобіе и что онъ, Сигизмундъ, идетъ не для того, чтобы проливать кровь русскую, а чтобы при помощи Божіей охранить русскихъ людей отъ враговъ, избавить отъ рабства и окончательной погибели. Ввиду этого онъ уговаривалъ ихъ сдаться и перейти на его сторону, обѣщая не нарушать, а сохранить православную вѣру и оказывать имъ всякую честь. Посланіе осталось безъ отвѣта, а привезшему его приказано было немедленно удалиться. Русскіе были настолько озлоблены на поляковъ, бывшихъ съ Лжедмитріемъ, что не могли согласиться отдаться и Сигизмунду. Король подступилъ къ Смоленску. Жители окружныхъ селеній сожгли ихъ, а сами собрались въ крѣпость. Съ самаго начала осада пошла неудачно для Сигизмунда. Смоленскъ представлялъ въ то время изъ себя довольно грозную крѣпость, овладѣть которой было не легко. Всѣ приступы королевскихъ войскъ были отбиты. Король нѣсколько разъ пробовалъ убѣждать смольнянъ сдаться, но каждый разъ получалъ упорный отказъ. Сигизмундъ отправилъ пословъ къ войску самозванца въ Тушино съ тѣмъ, чтобы отвлечь оттуда поляковъ и присоединить ихъ къ своему войску.

Но если не Смоленскъ, то за то Тушино испытало на себѣ весь вредъ королевскаго похода; когда въ Тушинѣ узнали объ этомъ походѣ, то поляки стали волноваться. Рожинскій былъ противъ него, такъ какъ въ Тушинѣ онъ былъ первымъ лицомъ, въ войскѣ же короля онъ не

могъ занять столь выдающагося положенія. Поэтому, собравъ поляковъ, онъ убѣждалъ ихъ не оставлять Дмитрія, говоря, что Сигизмундъ хочетъ отнять у нихъ заслуженныя награды и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своими трудами и кровью. Поляки поклялись не отказываться отъ цѣли уже столь близкой, не входить ни съ кѣмъ въ переговоры и не измѣнять Дмитрію. Рожинскій отправилъ пословъ къ Сапѣгѣ подъ Троицу, желая уговорить его примкнуть къ союзу, но Сапѣга не желалъ вступить въ открытую борьбу съ королемъ и потому отказался.

Между тѣмъ Скопинъ, снова соединившись съ Делагарди, котораго ему удалось уговорить, заплативъ шведамъ часть денегъ, двинулся изъ Калязина на Александровскую слободу, откуда его передовой отрядъ вытѣснилъ занимавшихъ ее поляковъ. Скопинъ остановился въ слободѣ, ожидая новыхъ подкрѣпленій. Москва же, терпѣвшая отъ голода, сильно волновалась. Кричали, что лгутъ, что скоро придетъ князь Скопинъ-Шуйскій, и снова начинали думать о Тушинскомъ ворѣ. Голодъ все усиливался и толпы народа все больше и больше волновались, а Скопинъ все стоялъ въ Александровской слободѣ, не двигаясь къ Москвѣ. Сапѣга пошелъ къ слободѣ, разбилъ высланный противъ него отрядъ, но не будучи въ состояніи осилить самого Скопина, вернулся снова къ Троицкому монастырю. Но Тушину все же оставалось недолго существовать, такъ какъ послѣдній ударъ нанесъ ему Сигиз-

мундъ. Король отправилъ въ Тушино своихъ пословъ, которые должны были внушить полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ чужому искателю приключеній. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе, когда соединенными силами Москва будетъ покорена и, кромѣ того, обѣщалъ платить жалованіе съ того времени, какъ они соединятся съ его полками. Между тѣмъ самозванецъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, на него никто не обращалъ вниманія, а если и обращалъ, то чтобы сорвать на немъ свое сердце; его, не стѣсняясь, ругали въ глаза, называя обманщикомъ и мошенникомъ. Лжедмитрій дѣлалъ нѣсколько попытокъ убѣжать, но это ему никакъ не удавалось. Но наконецъ, не вытерпѣвъ оскорбленій и издѣвательствъ поляковъ, онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало бѣжать изъ Тушина. Переодѣвшись въ крестьянское платье, въ сопровожденіи только шута своего Кошелева ему удалось бѣжать въ Калугу. Послѣ бѣгства самозванца, Рожинскому съ поляками ничего больше не оставалось, какъ, принявъ условіе Сигизмунда, присоединиться къ нему. Въ Тушинѣ, кромѣ поляковъ, было много русскихъ, которымъ, какъ и полякамъ, оставался одинъ выходъ—вступить въ соглашеніе съ королемъ. Самозванецъ покинулъ ихъ; вернуться къ Шуйскому они не рѣшались, такъ какъ не могли расчитывать на его прощеніе. Шуйскій не могъ смотрѣть на нихъ какъ на первыхъ перебѣжчиковъ, такъ какъ тѣ оставляли самозванца во время его могущества, эти же не

по доброй волѣ оставляли его—онъ самъ покинулъ ихъ. Но, принимая покровительство короля, русскіе требовали прежде всего неприкосновенности православной вѣры. Рѣшено было, что русскіе и польскіе тушинцы отправятъ отъ себя пословъ къ королю, для окончательныхъ переговоровъ.

31-го января 1610-го года послѣдовало торжественное представленіе пословъ отъ русскихъ тушинцевъ королю. Въ числѣ ихъ между прочимъ были: Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, дьяконъ Грамотинъ, Чичеринъ, Апраксинъ и другіе. Здѣсь были Михаилъ Молчановъ и Тимофей Грязный.

Когда начались переговоры съ послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславу быть царемъ Московскимъ, то русскіе опять настаивали на ненарушимости православія.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ пришли къ соглашенію и написали условіе.

Условіе это состояло изъ 18-ти пунктовъ. Главнѣйшіе изъ нихъ заключались въ слѣдующемъ: Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство въ Москвѣ отъ русскаго патріарха по старому обычаю, при чемъ добавлялось, что условіе это будетъ исполнено лишь тогда, когда водворится полное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этого добавленія ясно видно намѣреніе Сигизмунда вовсе не посылать сына въ Москву, и подъ предлогомъ еще неустановившагося въ государствѣ

спокойствія, добиваться власти лично для себя. Далѣе условлено было, „чтобы святая вѣра Греческаго закона оставалась неприкосновенною, чтобы учители римскіе и другихъ вѣръ раскола не чинили". Король и сынъ его обѣщались чтить гробы и тѣла святыхъ, чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла церкви. Обязались не трогать имѣній и правъ духовенства, бояръ, окольничьихъ и другихъ людей. Обязались никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми, не давать правительственныхъ мѣстъ польскимъ и литовскимъ панамъ и тѣхъ изъ нихъ, которые должны будутъ остаться при Владиславѣ, награждать лишь по общему совѣту обоихъ государствъ. Подати должны собираться по старинѣ, король не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей. Что касается холоповъ, то ихъ слѣдуетъ оставить въ прежнемъ положеніи. Въ этомъ договорѣ интереснѣе всего то, что на первомъ планѣ король, а не королевичъ, о которомъ почти вовсе умалчивалось.

Несмотря однако на то, что Рожинскій и другіе польскіе начальники рѣшили вступить, послѣ бѣгства Дмитрія, въ переговоры съ королемъ, большая часть войска хотѣла искать бѣжавшаго самозванца и итти съ нимъ на Москву. Марина Мнишекъ оставалась въ Тушинѣ. Она ходила изъ палатки въ палатку и уговаривала разныхъ людей снова принять сторону ея мужа, хотя изъ писемъ ея, относящихся къ тому времени, видно ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ при второмъ само

званцѣ. Но дѣло самозванца, какъ это ни кажется страннымъ, еще не было проиграно. Отдѣленіе отъ него поляковъ имѣло для него свою выгодную сторону, такъ какъ до сихъ поръ его главнымъ образомъ упрекали въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ ляхами опустошаетъ русскую землю. Прибывъ въ Калугу, Дмитрій объявилъ, что онъ вынужденъ былъ покинуть Тушино, вслѣдствіе ссоры съ поляками, изъ-за того, что онъ не согласился уступить Смоленскъ Польшѣ.

Калужане съ торжествомъ встрѣтили Дмитрія и дали ему средства окружить себя царскою роскошью. Вскорѣ въ Калугу прибылъ князь Шаховской, во главѣ казаковъ. Шаховской расчитывалъ занять первое мѣсто при самозванцѣ, такъ какъ при немъ уже не было Рожинскаго.

Ночью съ 16 на 17 февраля Марина Мнишекъ убѣжала изъ Тушина въ сопровожденіи одной служанки и нѣсколькихъ казаковъ, переодѣвшись въ мужское платье. Марина оставила въ лагерѣ письмо, въ которомъ говорила, что ѣдетъ къ своему мужу, но тутъ скоро узнали, что она находится въ лагерѣ Сапѣги. По нѣкоторымъ извѣстіямъ она сбилась съ дороги и случайно попала къ нему, по другимъ же — она напередъ условилась съ Сапѣгою и убѣжала прямо подъ его покровительство.

Тушинскій лагерь пришелъ въ волненіе.

Тушинцы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, во главѣ съ Рожинскимъ, стояла за соединеніе съ королемъ, другая — съ самозванцемъ. Споры между этими партіями дошли

до того, что противники брались за оружіе. Рожинскій писалъ королю, говоря, что трудно будетъ справиться съ войскомъ, если въ скоромъ времени не получится извѣстіе, могущее удовлетворить его. Но король не давалъ никакого отвѣта и не присылалъ никого для окончательныхъ переговоровъ; вслѣдствіе этого Рожинскій былъ вынужденъ покинуть Тушино. Въ первыхъ числахъ марта 1610 года, сжегши станъ, Рожинскій выступилъ по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому монастырю. Скопину не оставалось больше ничего, какъ обратить свои силы противъ Сапѣги, стоявшаго подъ Троицей. Скопину всевозможными обѣщаніями удалось получить четырехтысячный шведскій отрядъ. Сапѣга дольше не могъ оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ и 12 января снялъ знаменитую осаду и расположился въ Дмитровѣ. Скопинъ подошелъ къ Дмитрову и разбилъ вышедшаго къ нему навстрѣчу Сапѣгу. Послѣ этого Сапѣга недолго оставался въ Дмитровѣ и въ скоромъ времени двинулся къ Волоколамску. Бывшая въ его лагерѣ Марина отправилась въ Калугу къ самозванцу.

12 марта Скопинъ съ Делагарди торжественно въѣхалъ въ Москву. У городскихъ воротъ онъ былъ встрѣченъ боярами съ хлѣбомъ и солью. Жители города падали ницъ и со слезами благодарили его за то, что онъ очистилъ Московское государство. Знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Но царь не могъ не завидовать успѣхамъ своего племянника: когда

еще Скопинъ стоялъ въ Александровской слободѣ, къ нему явились посланные отъ Ляпунова, предлагавшіе ему стать царемъ и укорявшіе царя Василія. Въ первую минуту Скопинъ велѣлъ схватить посланныхъ, но потомъ простилъ и отпустилъ ихъ. Этимъ не замедлили воспользоваться, чтобы возстановить царя противъ племянника. Слыша толки о зависти и ненависти, Делагарди остерегалъ Скопина и совѣтовалъ ему оставить Москву и выступить къ Смоленску противъ Сигизмунда.

Положеніе послѣдняго было далеко не блестяще. Хотя въ началѣ полякамъ и удалось овладѣть нѣкоторыми городами,—такъ сдались Ржевъ, Зубцовъ, Новгородъ-Сѣверскій, но Смоленскъ продолжалъ упорно держаться.

Въ войскахъ Рожинскаго, который остановился въ Іосифовомъ монастырѣ, снова вспыхнуло возстаніе. Уходя отъ возмутившихся, Рожинскій оступился и упалъ на каменныя ступени лѣстницы. Отъ паденія раскрылась полученная имъ еще прежде, подъ Москвою, рана и Рожинскій умеръ. Оставшіяся подъ начальствомъ Зборовскаго войска направились дальше къ Смоленску. Въ монастырѣ поляки покинули русскихъ, выведенныхъ изъ Тушина, въ ихъ числѣ митрополита Филарета, который такимъ образомъ получилъ возможность уѣхать въ Москву.

Часть поляковъ завела сношенія съ Лжедмитріемъ, который два раза самъ пріѣзжалъ къ нимъ изъ Калуги и многихъ успѣлъ привлечь на свою сторону, доведя количество своихъ войскъ до

6,200 человѣкъ, другая же во главѣ съ Зборовскимъ изъявила свою преданность королю; къ нему же пріѣхалъ и Янъ Сапѣга. Ни Лжедмитрій со своими 6,200 человѣкъ войска, ни король, расчитывавшій на быстрый успѣхъ, благодаря одному своему присутствію, и потому пришедшій съ малыми силами, не могли ничего предпринять противъ Москвы. При такихъ обстоятельствахъ естественно должно было произойти сближеніе между королемъ и самозванцемъ. Счастье обратилось на сторону Василія, но улыбалось оно ему очень короткое время.

23 апрѣля князь Скопинъ-Шуйскій, на крестинахъ у князя Воротынскаго, почувствовалъ себя дурно и, проболѣвъ двѣ недѣли, умеръ. Всѣ знали о ненависти къ нему дяди его, князя Дмитрія Шуйскаго, который былъ наслѣдникомъ престола, такъ какъ Василій Ивановичъ дѣтей не имѣлъ, но видѣлъ страшнаго соперника въ Скопинѣ, которому народная любовь сулила вѣнецъ. Стали говорить, что Дмитрій Шуйскій отравилъ своего племянника.

Нельзя достовѣрно утверждать истинность этихъ слуховъ, но большинство народа повѣрило имъ. Смерть Скопина была тяжелымъ ударомъ для царя. Его и прежде не любили, а только терпѣли, въ ожиданіи лучшаго будущаго. Скопинъ примирялъ царя съ народомъ, и вотъ этого-то примирителя теперь не стало. И не стало, какъ ходили о томъ слухи, по винѣ самого царя, который изъ зависти и злобы лишилъ себя и царство твердой опоры. Когда такимъ

образомъ порвалась связь народа съ Шуйскимъ, раздались голоса противъ царя. Первый поднялся противъ Шуйскаго уже знакомый намъ Ляпуновъ. Ляпуновъ начинаетъ возмущать города вѣрные Шуйскому и входитъ въ сношеніе съ самозванцемъ.

Между тѣмъ какъ Ляпуновъ возмутилъ рязанскіе города, войско московское въ количествѣ 40,000 человѣкъ выступило по направленію къ Смоленску. Во главѣ войска былъ поставленъ царскій братъ, Дмитрій Шуйскій. Царь не могъ сдѣлать болѣе неудачнаго выбора, такъ какъ Дмитрія, обвиняемаго въ отравленіи племянника, войско не могло любить, не могло охотно сражаться подъ его начальствомъ. Узнавъ о приближеніи московскаго войска, король отправилъ навстрѣчу ему гетмана Жолкѣвскаго, который 14-го іюня осадилъ Царево-Займище, гдѣ засѣли московскіе воеводы Елецкій и Валуевъ. Воеводы послали гонцовъ къ князю Дмитрію Шуйскому, призывая его на помощь. Шуйскій двинулся и дошелъ до Клушина, гдѣ и остановился. Жолкѣвскій, узнавъ о приближеніи князя Дмитрія, раздѣлилъ свое войско на двѣ части, изъ которыхъ одну оставилъ у Царева-Займища, а съ другой напалъ на войска Шуйскаго. Завязалась упорная битва, исходъ которой былъ сомнителенъ, какъ вдругъ наемные нѣмецкіе отряды, бывшіе въ войскѣ Шуйскаго, перешли на сторону поляковъ. Измѣна эта рѣшила битву. Русскіе пустились въ бѣгство, преслѣдуемые польскими войсками. Узнавъ о пораженіи Шуйскаго, Елецкій и Валуевъ прину-

ждены были сдать Царево-Займище и неволею поцѣловали крестъ царевичу Владиславу.

Послѣ того какъ Царево-Займище перешло въ руки поляковъ, Владиславу стали присягать многіе другіе города. Присягнули Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Погорѣлое-Городище. Войско Жолкѣвскаго увеличилось, благодаря этому, десятью тысячами русскихъ. Но московскіе люди не хотѣли присягать Владиславу, требуя чтобы онъ прежде принялъ православіе, и потому многіе изъ нихъ, видя что Шуйскому не усидѣть на престолѣ, склонны были скорѣе къ самозванцу, чѣмъ къ Владиславу. Самозванецъ зналъ это и потому, переманивъ на свою сторону Сапѣгу, двинулся къ Москвѣ. Серпуховъ, Коломна и Кашира сдались Лжедмитрію, который, постепенно подвигаясь впередъ, дошелъ до села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще до 30,000 войска,—но кто хотѣлъ сражаться за него? Московскіе служилые люди начали сноситься съ полками Лжедмитрія, однако не для того, чтобы принять самозванца на мѣсто Шуйскаго: не хотѣли ни того ни другого. Рѣшили, что тушинцы отстанутъ отъ своего царя, а москвичи свергнутъ своего. Тушинцы предлагали Сапѣгу, какъ человѣка, достойнаго занять московскій престолъ. Шуйскій видѣлъ, что ему уже не удержаться на престолѣ, и думалъ вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ, но медлилъ, не рѣшаясь на подобную мѣру. 17-го іюля во дворецъ къ Шуйскому пришелъ Захаръ Ляпуновъ съ товарищами и сталъ требовать, чтобы Шуйскій отказался

отъ престола, но видя, что среди нихъ нѣтъ бояръ, Шуйскій не испугался и сталъ кричать на нихъ, что они не смѣютъ этого говорить, когда бояре ничего не говорятъ. Тогда Ляпуновъ со своими товарищами пошли на Лобное мѣсто, гдѣ собралось уже много народа, слышавшаго, что въ Кремлѣ что-то дѣлается. Пріѣхалъ патріархъ; народу собралось такъ много, что онъ уже не помѣщался на площади.

Тогда вся толпа вмѣстѣ съ патріархомъ направилась за Москву-рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ, гдѣ было просторное мѣсто. Здѣсь бояре, дворяне и торговые люди стали говорить о томъ, что какъ бы русской землѣ не притти въ разореніе: пришли въ Московское государство поляки и Литва, съ другой стороны стоитъ Тушинскій воръ и Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Рѣшили бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобы онъ оставилъ царство, такъ какъ льется много крови, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливый и что многіе города его на царство не хотятъ. Народъ противъ такого рѣшенія ничего не имѣлъ, нѣкоторые же бояре сначала сопротивлялись, но скоро согласились; не былъ согласенъ съ этимъ патріархъ, но его не послушали. Во дворецъ отправился князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и отъ имени бояръ и народа просилъ Василія, чтобы онъ оставилъ государство и взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ. Царь не могъ не согласиться на эту просьбу, объявленную отъ имени всего московскаго народа, и вы-

ѣхалъ съ женою въ Нижній. Но надежда снова сѣсть на московскій престолъ не покидала Шуйскаго. Патріархъ и нѣкоторые бояре старались возвести его снова. Разумѣется, Ляпуновъ и его товарищи не могли съ этимъ согласиться и потому спѣшили покончить съ Шуйскимъ. 19-го іюля Захаръ Ляпуновъ съ князьями Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и Мериномъ-Волконскимъ, взявъ съ собой монаховъ изъ Чудова монастыря, отправились къ Шуйскому и объявили ему, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься. Шуйскій ни за что не хотѣлъ согласиться на это, такъ какъ мысль навсегда отказаться отъ престола была для него невыносима; Ляпуновъ съ товарищами насильно заставили его, несмотря на отчаянное сопротивленіе, подвергнуться этому обряду. Князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты. Такое насильственное постриженіе не могло, конечно, имѣть значенія и патріархъ не призналъ его, но несмотря на это Шуйскаго свезли въ Чудовъ монастырь; постригли также жену его, а братьевъ посадили подъ стражу. Такимъ образомъ окончилось кратковременное царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, царствованіе, большую часть котораго царь провелъ въ осадѣ.

Несчастливый царь Василій сошелъ со сцены, но русская земля отъ этого счастливѣе не сдѣлалась: не было замѣстителя, который бы могъ, соединивъ подъ своей властью разрозненныя партіи, привести ихъ къ успокоенію. Русская земля по-прежнему оставалась разбитой на части,

изъ которыхъ каждая предлагала своего претендента. Всѣ они боролись между собой и борьба эта, конечно, не могла успокоить народъ, не могла прекратить смуту, царившую на Руси. Время, слѣдовавшее за сверженіемъ Шуйскаго, носящее на страницахъ русской исторіи названіе Междуцарствія продолжалось около трехъ лѣтъ, пока не былъ избранъ на престолъ Михаилъ Романовъ.

КОНЕЦЪ.